

Вячеслав Лютый

ВЫВЕСТИ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

Почему ни критиков, ни филологов не заботит такая проблема, как умирание изящной словесности, деградация художественного языка?

Пожалуй, филологи увлечены задачами совершенно противоположного толка: как угнаться за волной «новой литературы»; что подразумевал автор, предложивший непривычный излом поведения героев; как персонажи проявляют себя в слове – амбивалентные, они, как правило, и говорят на языке улицы. Причём не улицы, мучающейся от собственной немоты, когда необходимо сказать правду о происходящем со всеми нами. А уличной шпаны, которая узнала вкус скандальной известности и стремится вывалить своё душевное содержание и языковой запас на человека ещё не изведавшего волшебную речь классики. Замечу: классики давней, XIX века, и классики новой, отошедшей от нас всего лишь на несколько десятилетий. Эти филологические «шахтёры», опускаясь вглубь вздыбленной семантической породы, рады, когда слово вдруг соответствует художественному облику героя произведения. Но соотношение этого результата с нравственным правилом и традицией человеческих взаимоотношений их не то чтобы не занимает – они попросту не понимают такое сопоставление как аналитическую и творческую задачу. Я как-то случайно увидел по ТВ, как скандинавская дама-искусствовед, вполне приличного вида, не европейский сноб, честно пыталась охватить «духовные» бездны инсталляции Кулика, скандальной и элементарно бездарной: корова – Россия – заглянуть вглубь коровы... Бедняжка, она старалась найти искусствоведческий аппарат для того, чтобы охарактеризовать увиденное, даже не осознавая, что перед ней – пошлость и низость.

Примерно такая же история и с нашими филологами: они готовы погрузиться в словесные пласты текстов Сорокина, но забывают о сатирическом правиле для рыцаря, упавшего с коня:

прежде всего – встать и почиститься («Янки при дворе короля Артура»). И здесь стоит сказать о сбитем целеполагании нашей филологической науки, которая сегодня во многом стала обслуживать разговорный обиход: вот уже и «кофе» в словаре позиционируется как слово среднего рода... Однако в корпоративном кругу почему-то филологи стараются говорить в нормативном отношении правильно, а революционеры, изучающие арготические способы выражения душевного состояния, в разговоре с начальством и не думают применять фигуры девиантной речи.

Всё это происходит по одной простой причине: государство не определило своего отношения к литературе. Президент получает в подарок при посещении выставки собрание томов Акунина – но, видимо, хочет, чтобы защищали родину молодые ребята, читавшие, скажем, прозу Константина Воробьёва. В итоге в общественном сознании (или, скажем точнее, в обывательском ценностном ряду) вальяжный и циничный Дмитрий Быков стоит на почётном месте, а книги, к примеру, Василия Киякова, редкие по искренности интонации – отсутствуют вообще: в списке публикаций этого автора долгое время были обозначены только толстые журналы. И тут – дополнительный упрек нашему Союзу писателей.

Филологи, изучающие литературу последних десятилетий, почему-то отказались от сопоставления текста, которому ими уделяется подчёркнуто пристальное внимание, с его литературными предшественниками. Видимо, разлом русской истории по линии 1991 года отпечатался и на собственно филологической практике...

Иное дело критики. Тут уже дело в востребованности этой профессии: с одной стороны – издательским бизнесом, с другой – ангажированной и буржуазной прессой. Критика «с полотенцем через руку» совершенно забыла о драгоценных традициях русской литературной аналитики. Даже у Писарева, порицавшего А. Н. Островского за смерть Катерины в «Грозе» (дескать, поругала свекровь, так теперь уж и топиться...), в иных статьях можно найти очень точные наблюдения и замечания по существу разбираемого сюжета. Сегодня словесную мякину, которую предлагают в качестве размышлений о свежееиспечённой литературе, порой и читать не хочется – из-за сервильности суждений или из-за ментальной подлости доводов.

Таким образом, филология и литературная критика, хотя и полагают себя в авангарде культурного продвижения в неизвестное, как будто забыли о собственной своего рода охранительной функции. Можно смеяться, вспомнив анекдоты Хармса о Толстом – но нельзя всерьёз подходить к творчеству Толстого с подобными амикошонскими мерками.

* * *

Чтобы понять, для кого пишет современный писатель, прежде нужно так или иначе обозначить, что этому писателю нравится в окружающем пространстве, как он относится к себе, что для него отечественная история, жалко ли ему людей или он любит человечество в целом. В самом общем смысле речь идёт о степени эгоизма пишущего человека. Писательское сообщество – квинтэссенция амбиций, уважения к собственному занятию, ревности к иным литераторам. И часто последней сопутствует чуткое вслушивание в пространство: где бы издать написанное произведение – быть может, даже оттеснив кого-то из коллег...

Всё это есть, но существует и кое-что иное: внутренняя уверенность в том, что помимо тебя живёт и не иссякает огромный смысл, включающий в себя понятие отчей земли и родной истории, святых могил и невинного детства. Если у писателя в душе присутствуют подобные координаты, то вопрос об адресации литературного произведения становится условным. Пишется такая вещь по внутреннему наитию, но совпадает ли она с привычками и ожиданиями читательского общества, сказать сразу невозможно. При всём весьма сложном личностном отношении к Павлу Лунгину, его фильм «Остров» неожиданно для муравейника либералов посмотрела вся страна. А позже страна плевалась, познакомившись с его же «Царём» и устными комментариями режиссёра по поводу этого сюжета. Можно округлить адресацию до понятия единомышленников и людей сходного с автором возраста, однако эти категории – в пользу бедных за-всегдаев ТВ-шоу на канале «Россия» или «Культура».

Для кого писал свои картины гениальный Павел Рыженко – картины исторические, пейзажные, портретные, духовные? Ведь телевидение осталось слепоглухонемым по отношению к этому огромному явлению изобразительного искусства. Но всякий человек с чувством прекрасного, с ощущением русской чести воспринимает живопись Рыженко с волнением.

Поэтому настоящий художник работает для зрителя и читателя, которым он внутренне может доверять. Это – «своя», близкая душа, только в некоторых вопросах неосведомлённая. И только тогда возникает взаимный заочный диалог.

Первичная адресация автора, практически, всегда ущербна. Впрочем, можно обозначить категории читателей, которым углубляться в текст не стоит. Положим, лесбиянкам не понравится повесть о любви и мужестве, как и принаряженным в дамское гомосексуалистам с щетинкой на лице. И далее – по тому же апофатическому правилу. Эта не-адресация подразумевает в числе читателей нравственно здоровых людей. Всё иное определяется духовными координатами общества.

Десятилетия нам забивали уши глупостями об общечеловеческих ценностях и свободе слова, а теперь встрепенулись и заговорили о понятиях настоящих, традиционных. Вот Президент сказал добрые слова о творчестве Шукшина – спасибо ему за это. А параллельно премия «Большая книга» была присуждена Владимиру Сорокину, хотя стыдливо дали ему второе место. А надо было бы дать и первое, сообразно составу жюри, ручонки потирающего: дескать, Президент здешним «колорадам» негромко нахваливает «лапотника», а мы – поверху, да с публичным шумом – покроем кремлёвские благоглупости каким-нибудь любителем фекалий!

Пусть же это разделение по линии духовного и нравственного чувства будет видно каждому, дабы он выбрал, глядя на своих детей и семью: с кем он хочет прожить последующую жизнь.

Союз писателей России – организация противоречивая по определению: творческое объединение не может провести в жизнь принцип объективной оценки художественного произведения. Но чутьём такая организация обладать должна. А также – ощущением собственной широты и значимости. Когда провинция по творческому весу не легче столицы, а та, в свою очередь, не выпячивает привычно челюсть: я, мол, главная – но понимает себя реальной заботницей обо всех русских землях. Впрочем, это в полной мере идеалистическое упование.

Для того, чтобы продвигать альтернативные «мусорным» опусам произведения настоящей отечественной литературы, Союз должен нарастить свои мускулы – организационные, административные, финансовые. Но это отдельная задача, огромная и тяжёлая, связь её с продвижением выдающихся литературных вещей опосредованная. Если власть будет повторять

либеральные заклинания и трепать за ушко казнокрадов, чьи подобиya в Китае расстреляли бы в одночасье, наши упования на продвижение русской литературы в рыночном обществе будут эфемерны. Потому что сегодня идёт война: духовная, экономическая, административная, геополитическая. И отечественная словесность должна понимать необходимую строгость своего внутреннего состояния, а также ответственность за художественную и интеллектуальную строку, обращённую, конечно же, к Богу – но и к читателю.

* * *

Какова же роль критика в современном литературном процессе, что именно должен делать критик, где искать «жемчужные зёрна»?

Понимание роли критика сегодня, на мой взгляд, двоится. Несомненно, есть необходимость в обзоре литературных событий, произведений и позиций. С другой стороны, критик должен войти в художественный мир стихотворения или рассказа (повести, романа) – и понять его устройство, его движение во времени и пространстве, его привязку к реальности и идее. Мне ближе вторая роль, хотя поиск новых имён и творческих вех так или иначе с этой задачей соприкасается. Тут проблема в другом: критика сегодня более занята «опознаванием» творческих объектов – но отнюдь не их исследованием. Так было со стихами Марины Струковой на рубеже 2000-х и со многими другими авторами и произведениями. То есть «привязка» критики к литературному процессу провоцирует определённую поспешность: вглубь предмета критик не заглядывает, а удовлетворяется внешними констатациями. Помимо того, есть ещё и филологический подход к решению критической задачи: набросать перед читателем чертёж произведения, рассказать о его формальной конструкции и коннотациях текста, пропитать это рассуждение грустью или радостью – и счесть поставленную перед собой задачу решённой. Забыв при этом о связях сюжета с историей и судьбой, с этическим выбором и смыслом поступков, с реальной жизнью и исторической традицией.

Критик должен выделить в произведении самое главное и прояснить взаимоотношения всей плоти текста – с его сердцем, с тем существенным, ради которого автор и приступал к воплощению своего изначального замысла. Бывает так, что результат не совпадает с акцентами, которые писатель

определял для себя заранее – ведь литературное произведение живёт по собственным законам, авторское своеволие, как известно, имеет пределы. Понять сколь можно точнее происходящее на страницах романа или в строках стихотворения критика и может, и должна – потому что иначе ей суждено быть служанкой, а не самостоятельным участником литературного процесса. Но есть у критики и искушения: назначать и рушить имена, определять лучшее по своекорыстным соображениям, управлять литературным процессом в соответствии с некоей необъявленной задачей и быть «властительницей творческих судеб». Есть и это в сегодняшней литературе.

Просто критик должен читать журналы и книги, любить хорошие стихи и неожиданные переливы авторского голоса и стремиться разгадать тайну художественного воздействия поэтической строки или прозаического высказывания, – это двигатель его литературной работы, источник его вдохновения. В противном случае критика становится ремеслом и, как следствие, способом устройства личной жизни.

Та же проблема у читателя: как найти хорошую литературу среди современного массива. В магазине – джентльменский набор, в котором читателю сложно ориентироваться... Проще отказаться от современной литературы и классику читать, русскую и зарубежную. Этот выбор позволит читателю сохранить собственную душу и достоинство – но мы живём в начале нового века, и современность требует своего воплощения в художественных образах и характерах героев. Читателю же всё это необходимо для того, чтобы «опознать» реальность в её наиболее выразительных и важных чертах.

Положение читательское сегодня, действительно, чрезвычайно уязвимое. Кликушество либеральных СМИ, назойливое предложение ознакомиться с текстами очередных «голых королей» от литературы сродни некоей чёрной энергетической стене, которой подлинная литература отделена от русского человека. Умелые и бойкие авторы – из тех, пристенных, кому имя легион – могут показать нам «сложного» героя, который как будто воюет с либеральной номенклатурой, но не прочь при случае и поучаствовать в групповом сексе. Или предложат что-то подобное... – тошнотную смесь нечистот и декларируемого стремления побороться с несправедливостью.

Однако нам сегодня в художественном тексте и в жизни как никогда нужна чистая душа, в которой нет лукавства

и способности мелко сподличать в непростых обстоятельствах. Мы вспоминаем пушкинскую Татьяну как идеальный женский образ – но отчего-то не стремимся достичь этих высот, останавливаясь на полдороге и оправдывая себя близостью к осязаемой действительности. Но на самом-то деле литература истосковалась по большим характерам и ясным душам, а читатель тянет руку к классическому тому прозы именно потому, что давние страницы отвечают его внутренней жажде чистоты и правды. Эти позиции важно всячески поддерживать в критике и в литературных изданиях по всей стране. Толстые журналы должны уяснить, что только здесь сосредоточен потенциал русского развития и светлого завтрашнего дня... Библиотеки, проводя встречи с читателями по поводу литературных новинок, вполне в состоянии взять на себя функцию нравственной навигации в океане современных текстов...

Можно назвать ещё несколько важнейших пунктов, влияющих на сближение подлинной литературы и настоящего читателя. Однако все они нуждаются в объединяющем начале, которым, несомненно, обязан быть Союз писателей России. Но сегодня ему остро не хватает последовательной наступательной политики и действий. Власть почему-то полагает, что русские писатели будут скрежетать зубами, но не замахнутся на её реальные основы. Эта иллюзия должна быть развеяна. Так называемая «элита» нашего государства должна знать, что писатели её не любят и после некоей «точки невозврата» могут такую свою нелюбовь любыми средствами транслировать российскому читателю. Разумеется, не с позиций либеральных любителей осетрины и публичных соитий перед объективом камеры, не с позиций «баррикадного» решения всех идеологических и социальных вопросов. Но глухой ропот народа и отчётливое слово писателя должны нарастать и приобретать оттенки бури в тисках терпения.

Есть ещё одно очень важное уточнение. Как-то принято у нас сегодня говорить честные слова, а жить порой – с завидной ловкостью. Это обстоятельство в очень большой степени снижает доверие к современной русской литературе. И важно понимать, что во многом ещё и поэтому читательское доверие к писателю может иссыхать – так вода уходит из колодца.

Между тем сокращаются на радио литературные передачи или выбрасываются из штата квалифицированные специалисты, для которых литература – не род заработка, а душевная

потребность. Иные региональные организации Союза писателей находятся в униженном состоянии – где-то из-за нравственной чёрствости администрации, где-то – по собственной инертности, подчас почти предательской. Подобная картина, увы, весьма распространена. В связи с этим стоит понять: если писатели не будут делать шаги навстречу русскому читателю в самых низовых звеньях нашей творческой организации – ничего не выйдет, потому что сегодняшняя власть понимает только волю к действию и опасается её.

Поэтому я придерживаюсь крайне пессимистической точки зрения на проблему читателя, вопрошающего: где найти хорошую книгу? Нет сейчас непосредственных инструментов, которые помогли бы решить положительно эту задачу. Она может решиться только в виде следствия: станет Союз писателей России наращивать свои мускулы – последуют волны и в других направлениях. Будет организация съёживаться, а либералы ползти изо всех щелей, словно тараканы – литература в России вполне может превратиться в поле, на котором собирают свой урожай бесчисленные клоны Улицкой-Сорокина-Быкова-Рубиной-Акунина-Донцовой...

* * *

Казалось бы, надёжным помощником в навигации, лоцманом в море современной литературы могла бы служить система литературных премий. И действительно, премия – идея хорошая как система поощрения и ориентир для читателя. Но, к сожалению, надо признать: сегодня премии себя изжили, превратившись, с одной стороны, в коммерцию, с другой – в «лохотрон»...

Впрочем, говоря о нынешних литературных премиях как о явлении структурно изменённом, не следует отказываться от самой идеи награждать лучшие произведения литературы и выделять достойные имена. В противном случае мы принципиально лишаем читателя возможности ориентироваться не только в море словесности, но и в дремучих зарослях современной жизни.

Если жюри премии почти явно состоит из ангажированных либералов или же состав её номинантов и лауреатов представляет некий «междусобойчик»... Может быть, стоит обратить внимание на этот конкурс, разобрать его на составные части и огласить результаты, дабы все действующие лица стали неотделимы от собственного позора?

С другой стороны, возможно ли принципиальное решение в обстановке, когда один автор – талантливый, другой – нужный, тогда как третий – потомок громкой литературной фамилии? Если появится в составе судей человек-камень, тогда и будет результат. А если нет, то, может быть, следует назвать истинную цену сочинениям лауреатов-почвенников, а потом обратить внимание на тех, кто отдал свой голос в их пользу?

Помню, несколько лет тому назад я посоветовал молодому воронежскому поэту и прозаику послать цикл своих сказок (просто отличный, и не только по моему мнению) на конкурс соответствующего профиля. Его там приняли как бедного родственника, а потом и концов конкурсного произведения не нашлось... В то время как Лидия Сычёва представила одну из этих сказок его на Рождественских чтениях, чрезвычайно высоко оценив эту вещь. Нет, не позорные либералы, которым сладко представить, скажем, Бабу-Ягу в качестве престарелой лесбиянки и мужененавистницы, сидели в том оргкомитете и жюри. Вроде – все приличные люди, да и конкурс существует поныне. Однако осадок остался крайне неприятный: с одной стороны, на судьбу сказочного цикла очевидно повлиял столичный снобизм, с другой – «не по чину парень высунулся»...

В целом система современных премий – это, как ни печально, авгиевы конюшни. Но их важно и можно вычистить, а не развалить до основания. При этом вспомню ещё раз слова Президента о замечательном таланте Василия Шукшина. А почему бы не подкрепить тихие эмоции конкретным предложением: сделать существующую премию имени Шукшина одной из главных государственных литературных наград современной России, таким образом выведя русскую литературу из подполья? Ничего подобного мы не услышали. Но ведь и вопроса такого не прозвучало...